

нию к грекам и их церкви. Очевидно, его произведение рассчитано не на греческого читателя или слушателя, но лишь на франков, и то не на Западе, но в самой Греции. Но вместе с тем летописец выказывает исчерпывающее знакомство со всей греческой жизнью; постоянно извращая или передавая в народной форме французские исторические и географические названия в Морее, он никогда не ошибается в греческих названиях, и он пишет на простонародном языке Морей. В нем предполагают поэтому греко-франка или гасмула.

Во всяком случае, эта стихотворная хроника есть выдающееся явление в культурной истории франкской Греции. Она доказывает, что преобладание греческого языка было здесь так велико, что его вынуждены были усвоить даже франки. В том же XIV столетии норманны в Англии отказались от исключительного употребления в литературе французского и латинского, и вслед за Ричардом Ролле и Лоренсом Минот выступает Чосер — создатель английского поэтического языка. Ввиду отсутствия других словесных произведений вроде греческой стихотворной хроники, происходящих из Фив, Афин или Спарты, мы, конечно, не имеем основания считать ее доказательством, что во франкской литературе Греции произошел такой же процесс, как и в английской литературе. Слияние языков пошло в Британии гораздо дальше, чем во французской Греции. Хотя английский язык остался вполне германским наречием, так как сохранил англосаксонские флексии, однако, усвоив себе массу французских слов, он сделался той помесью романского и германского элементов, подобной которой нет на всем пространстве человеческой речи. Английский язык пытался смягчить это противоречие германским видоизменением и произношением французских звуков, и именно это сделало его одним из противнейших для слуха языков; но все же на этом языке писал свои бессмертные творения величайший поэт всех времен, а его дивная простота делает его более способным, чем всякий другой язык, стать международным всемирным языком.